

ДОЈЧИЛ П. ВОЈВОДИЋ: *ПРОБЛЕМАТИКА РАЗВОЈА ФУТУРА И ЊЕГОВЕ ГРАМАТИКАЛИЗАЦИЈЕ У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА (С ПОСЕБНИМ ОСВРТОМ НА СИТУАЦИЈУ У СРПСКОМ, РУСКОМ И ПОЉСКОМ)*

2. изд., попр. и доп. – Русе [България]: Лени-Ан, 2014. 200 с.

Монографија професора кафедре славистике философског факултета Новисадског државног универзитета Дојчила Војводића посвећена истраживању облика будућег времена у славјанским језицима преимуђвенно на материјалу три славјанских језика: србског, руског и пољског, репрезентирујућих соодветно јужну, источну и западну групу славјанских језика. У монографији учићвају се такође најважније подаци других славјанских језика, ако ови језици разликују се специфичношћу у функционирању категорије футуралности по одношењу к трем разматрајемим славјанским језицима. Книга састоји се из четири одељка, три приложенија у облику таблица, које се односе на дистрибуцију и фреквенцију облика будућег времена у србском, руском и пољском језицима, литературе предмета, списка скраћенија извора, предметног указатеља, именског указатеља, резиме монографије на руском и енглеском језицима и података о аутору.

У првом одељку *Предварителне забелешке* («Претходне напомене») аутор указује на тесну везу синхронности с дијахронијом у истраживању облика будућег времена у славјанским језицима. Описивање и интерпретација појединих језикових категорија а такође језиковог система у целом на синхронном нивоу чешће свега одражава актуелне лингвистичке тековине и правце. Да би се описало и објаснило појављивање на синхронном нивоу неких језикових новина жељавно истраживати у којој-то мери и историју их настанка и наредног развоја. Подаци историјског карактера могу бити корисни за објасњење многих сложених питања истраживања граматичких категорија, у овом случају категорије будућег времена. Истраживање процеса историјског развоја свих формалних средстава изражавања футуралности у појединим славјанским језицима јавља се отправном тачком и поузданом осовом за одређење граматичког статуса колективних облика и конструкција са значењем будућег времена у том или другом славјанском језику. Особито важно јавља се разграничење у историјској перспективи граматикализованих и неграматикализованих средстава изражавања футуралности. Развој и граматикализација футурално детерминисаних облика и конструкција у славјанским језицима разматра се под углом гледишта два супротна процеса развоја језика – аналитизма и синтетизма. Циљ своје истраживања аутор сматра откривање тенденција развоја категорије футуралности и средстава њеног изражавања, т.е. откривање најважнијих промена у семантици и формалном саставу футурално детерминисаних структура. Особито пажњу обраћа се при овом на природно језиково развојно, т.е. на законитости развоја, унутрашње присутне језику, произтекајуће из природе језика. Отуда велики интерес аутора к таквим разновидностима језика као разговорни језик, територијалне и социјалне дијалекте, које, као правило, не су подложне дејствију језиковог политике (процесима нормирања, кодификације и стандартизације језика).

У централним одељцима рада (втором и трећем) Дојчил Војводић истражује категорију футуралности у србском, руском и пољском језицима. У овим одељцима на великом фактичком

материале реализуется лингвистическая концепция автора и формулируются теоретические установки, которыми руководствуется автор при рассмотрении языковых явлений.

Второй раздел, озаглавленный *Синтетические и аналитические футуральные формы в славянских языках (диахронно-синхронный обзор)* («Синтетички и аналитички футурски облици у словенским језицима (дијахроно-синхрони преглед)») состоит из четырех подразделов. В первом из них рассматривается перфективный презенс как синтетическая форма футура. Эта форма обнаруживает, кроме футурального значения, и ряд других значений. Футуральное значение не является у этой формы изначальным, исконным. В начале исторического развития и формирования отдельных славянских языков еще не было ни формальных, ни семантических различий между настоящим и будущим временем. Обе синтетические презентные формы (имперфективный презенс (имперф. през.) и перфективный презенс (перф. през.)) могли употребляться в зависимости от контекста как в значении настоящего времени, так и в значении будущего времени. Формирование будущего времени в славянских языках как особой категории, формально отличающейся от настоящего времени, тесно связано с описательными формами выражения значения футуральности. В старославянском языке и в древнеславянских языках для обозначения будущего времени использовалась особая перифрастическая конструкция, состоящая из личных форм глаголов с модальными значениями желательности, возможности и неизбежности действия (*verba desiderativa, possibilitativa, necessitativa*) и с фазисным значением начала действия (*verba ingessiva*) в сочетании с инфинитивом спрягаемого глагола. Глаголы с модальными и фазисным значениями в этой перифрастической конструкции могли в определенных контекстах утрачивать это свое лексическое значение и приобретать статус вспомогательных глаголов в аналитической конструкции со значением будущего времени.

Второй подраздел посвящен аналитическим футуральным формам. В процессе дальнейшего исторического развития отдельных славянских языков категория будущего времени постепенно получает свое грамматическое оформление и тем самым формально отграничивается от настоящего времени. В севернославянских языках параллельно с грамматикализацией перф. през. как уже существующего формального средства для выражения значения будущего времени совершенного вида (СВ) возникает и постепенно укрепляет свое положение в процессе длительного исторического развития новая перифрастическая форма с личными формами вспомогательного глагола *быти* и с инфинитивом, которая со временем приобретает статус грамматикализованной аналитической формы для выражения значения будущего времени несовершенного вида (НСВ). В южнославянских языках выделяются и стабилизируются особые перифрастические формы для выражения футуральности в СВ и НСВ. Возникновение новой категории будущего времени привело к разделению функций между синтетическими формами перф. през. и имперф. през. Формы имперф. през. теперь все чаще употребляются для обозначения настоящего времени, а формы перф. през. используются для обозначения футуральных действий.

Автор дает обзор аналитических футуральных форм в старославянском языке, в древнерусском, древнепольском, древнесербском и древнехорватском языках. В старославянском языке для выражения футурального значения использовалась конструкция, состоящая из личных форм глаголов с модальными и с фазисными значениями (*хотѣти, имѣти, начати, почати*) в сочетании с инфинитивом спрягаемого глагола. Такая конструкция обнаруживает двойное значение и интерпретируется либо как составное глагольное сказуемое в случае сохранения личными формами глаголов их модальной или фазисной семантики, либо как аналитическая

(или сложная) форма будущего времени в контексте утраты личными формами глаголов их модального или фазисного значения. В этом последнем случае десемантизированные личные формы глаголов приобретают статус вспомогательных глаголов. Наряду с этой глагольной конструкцией в старославянском языке были представлены также именные конструкции, состоящие из сочетания именной группы в дательном падеже в функции субъекта в сочетании с инфинитивом (*dativus cum infinitivo*) или с причастием (*dativus absolutus*). В древнерусском языке, как и в старославянском языке, видное место занимает конструкция, состоящая из личных форм глаголов с модальными и фазисными значениями (*хотѣти, имѣти, начати, почати*) в сочетании с инфинитивом спрягаемого глагола. Широко используются также именные конструкции с дательным субъекта в сочетании с инфинитивом (*dativus cum infinitivo*) или с причастием (*dativus absolutus*). Особо следует отметить в древнерусском языке форму преждебудущего времени, состоящую из презенса вспомогательного глагола *быти* и причастия на *-л*. Оба компонента этой конструкции употреблялись каждый со своей самостоятельной функцией как свободное словосочетание с исходным значением действия, локализованного в прошлом и перенесенного в план будущего (*praeteritum futuri*). Эта форма обозначала также действия в будущем, предшествующие другим футуральным действиям (*futurum exactum*). В XVII в. окончательно утрачивается сопряженность этих двух компонентов в составе формы преждебудущего времени, и эта форма перестает существовать. Употребление конструкции с презенсом глагола *быти* и с инфинитивом НСВ фиксируется в памятниках старорусской письменности относительно поздно, а именно только лишь с конца XIV в. Полная грамматикализация этой конструкции датируется не раньше XVII в. В польском языке на базе исходных неграмматикализованных конструкций с глаголами модальной и фазовой семантики в процессе исторического развития формируются две аналитические грамматикализованные формы будущего времени НСВ с личными формами вспомогательного глагола *być* в сочетании с инфинитивом типа *będę pisać* и с причастием прошедшего времени на *-l* типа *będę pisał*. В древнепольском языке представлена также форма с причастием на *-l* от глаголов СВ типа *będę napisal*. В древнерусском языке сочетание личной формы вспомогательного глагола *быти* с причастием на *-л* от глаголов СВ типа *буду написалъ* обозначало преждебудущее время. В древнесербском и древнехорватском языках также встречаются конструкции с глаголом *быть* в сочетании с инфинитивом, как это имеет место в восточнославянских и западнославянских языках. Такое употребление зафиксировано в текстах с конца XIII до середины XIX в. Примеры на именную конструкцию с дательным субъекта и инфинитивом в современном сербском языке очень редки и встречаются, как правило, в архаических стилях речи.

В третьем подразделе в центре внимания автора находятся грамматикализованные формы выражения будущего времени в русском, польском и сербском языках. В русском языке представлены две формы будущего времени: 1) простое будущее время типа *прочитаю*, образуемое от глаголов СВ и формально представленное как синтетический перф. през., и 2) сложное будущее время типа *буду читать*, образуемое от глаголов НСВ и формально представленное как аналитическая форма, состоящая из презенса вспомогательного глагола *быть* и инфинитива НСВ. В польском языке наличествуют три футуральные формы. Простое будущее время типа *przeczytam* от глаголов СВ и сложное будущее время типа *będę czytać* с инфинитивом от глаголов НСВ в польском языке те же самые, что и в русском языке. Другая форма сложного будущего времени типа *będę czytał* состоит из презенса вспомогательного глагола *być* и причастия на *-l* от глаголов НСВ. Если в восточнославянских и в западнославянских языках выбор формы будущего времени обусловлен видовой характеристикой глагола (синтетической при глаголах

СВ и аналитической при глаголах НСВ), то в южнославянских языках вид глагола не влияет на выбор формы будущего времени. В сербском языке грамматикализованное будущее время представлено тремя разновидностями футурума I, дифференцированными по своей формальной структуре. Футурум II (= преждебудущее время, или *futurum exactum*) автор не считает грамматикализованной формой выражения футуральных действий. Первая разновидность футурума I образуется посредством сочетания настоящего времени вспомогательного глагола *xm(j)eti* в краткой форме *ћу* с инфинитивом спрягаемого глагола: *ja ћу читати / прочитати*. Во второй разновидности футурума I энклитика *ћу* как маркер футуральности присоединяется к основе инфинитива после отсечения показателя инфинитива *-ти*: *читаћу / прочитаћу*. При третьей разновидности футурума I место инфинитива занимает форма настоящего времени спрягаемого глагола с частицей *да*: *ja ћу да читам / прочитам*.

В четвертом подразделе анализируются инфинитивные конструкции с модальными глаголами, обнаруживающие двойственное значение: модальное (волеизъявительное) и временное (футуральное). Футуральное значение этой конструкции выступает в контексте утраты модальными глаголами их исконного значения, т.е. при их десемантизации, и при приобретении ими функции вспомогательных глаголов, т.е. при их грамматикализации. Такие инфинитивные конструкции с десемантизированными модальными глаголами с контекстуально обусловленным значением будущего времени относятся к разряду неграмматикализованных футуральных конструкций. Имея в виду прежде всего конструкции такого типа, автор говорит о незавершенности процесса грамматикализации футуральности в славянских и в неславянских языках (в частности, в немецком языке). В русском языке наиболее грамматикализованными и наиболее частотными являются конструкции с фазовыми глаголами *начать* и *стать*. В польском и в сербском языках высокую степень грамматикализации имеют глаголы соответственно *mieć* и *imieć*.

Третий раздел монографии, озаглавленный *О статусе футуральных форм и конструкций в современных сербском, русском и польском языках* («О статусу футурских облика и конструкција у савременом српском, руском и польском језику») включает три подраздела. В первом из них рассматриваются грамматикализованные футуральные формы и неграмматикализованные конструкции с футуральным употреблением в русском языке. Статистические данные, полученные автором при анализе текстов из произведений художественной литературы и других источников, показывают, что формы аналитического футурума с вспомогательным глаголом *быть* во много раз превышают по частотности описательные конструкции с ингрессивными глаголами *стать* и *начать*. Так, удельный вес русского аналитического футурума с презенсом глаголов *быть* и *стать*, употребляемых совокупно с отрицанием и без отрицания (см. с. 126-127) по данным Национального корпуса русского языка за 2003 – 2007 гг. составляет соответственно 81,2 % и 18,8 %. Автор указывает на то, что некоторые лингвисты (напр., Л.Л. Буланин, Л.Г. Панин, Ю.А. Пупынин) высказывают мысль о включении в парадигматику видо-временных форм русского глагола, наряду с активными формами, и пассивные формы с краткими причастиями типа *будет изучен*.

Во втором подразделе обсуждается конкуренция грамматикализованных футуральных форм и неграмматикализованных конструкций в футуральном употреблении в польском языке. В современном польском языке обе грамматикализованные аналитические формы со значением будущего времени НСВ (с инфинитивом типа *będę czytać* или с причастием типа *będę czytając*) вполне равноправны и встречаются, как правило, с незначительными различиями в частотности

их выступления в разных типах текстов. Кроме глагола *buć* со статусом вспомогательного глагола, наибольшую степень грамматикализации обнаруживает глагол *mieć*, который вместе с инфинитивом наряду с модальным значением в некоторых контекстах употребляется также как вспомогательный глагол, эквивалентный глаголу *buć*. В рамках страдательного залога футуральное значение выражается как описательной конструкцией с глаголом *buć* и с причастием в НСВ или в СВ (*będzie pisany / napisany*), так и перифрастической конструкцией с глаголом *zostać* и с инфинитивом СВ (*zostanie napisany*).

Третий подраздел касается вопроса о статусе футурума I в современном сербском языке. В сербском языке наличествуют два варианта сложного будущего времени. Первый из них содержит инфинитив спрягаемого глагола. Второй вариант включает презенс спрягаемого глагола в сочетании с союзом *da*. Оба эти варианта обнаруживают территориальное расслоение. Форма с инфинитивом чаще встречается в западной части распространения сербского (сербохорватского) языка, тогда как конструкция *da* с презенсом используется чаще в восточной зоне распространения сербского (сербохорватского) языка. Автор анализирует далее инфинитивные конструкции с модальными глаголами в сербском языке сопоставительно с русским и с польским языками. Такие конструкции обнаруживают двойственное значение, а именно волонтактивное в случае сохранения модальным глаголом своего лексического значения и футуральное в случае десемантизации модального глагола в определенных контекстах. Десемантизированные модальные глаголы становятся в этом последнем случае вспомогательными глаголами аналитической формы будущего времени. Ввиду низкой частотности футурального значения в конструкциях с модальными глаголами такие конструкции нельзя считать грамматикализованными. Конструкция типа *хоћу / нећу + da + презенс* встречается в футуральном употреблении довольно редко и является поэтому неграмматикализованной в отличие от формы типа *ћу / нећу + инфинитив*, имеющей статус грамматикализованной футуральной формы. Употребление конструкции типа *хоћу / нећу + da + презенс*, кроме того, и территориально ограничено. Автор предлагает критерии отграничения футуральной формы от волонтактивной конструкции. Далее анализируются особенности функционирования футурума I в языке художественной литературы и в публицистическом стиле речи. В приложении (с. 124-125) приводятся данные о частотности стандартных и нестандартных форм и конструкций футурума I в языке художественной литературы и в публицистическом стиле речи.

В четвертом разделе книги *Вместо заключения* («Умјесто закључка») Дојчил Војводић разјасњава основне положења своје лингвистичке концепције и подводи итали разматрања развита будућег времена и его граматикализације у славјанским језицима. Функционално-граматички приступ к анализу категорије футуралности, пријат у настојашем истраживању, претпоставља узет све средстава за изражање ове категорије как на савременом етапу развита оделних славјанских језикова, так и у историјској перспективи. Такав приступ показује, да постоје различита степена граматикализације, у частности разграничење међу граматикализованима футуралним формама (типа аналитичке форми с вспомогателним глаголом *быть* у сочетании с инфинитивом у руском језику) и более слабо граматикализованима или футурално направиенима конструкцијима (типа сочетания глагола *стать* с инфинитивом у руском језику). Развитие футурално направиених конструкциј возможно как у направиени к граматикализацији (при десемантизацији одного из компонента таких конструкциј), так и у направиени к лексикализацији (при конденсацији компонента таких конструкциј у новую фразеологическую единицу). Грамматикализованные футуральные формы в севернославянских

языках и волюнтаривная конструкция в южнославянских языках обнаруживают, наряду с индикативным (футуральным) значением, также и контекстуально обусловленное модальное (волюнтаривное) значение. Такая недифференцированность (или двойственность) значений показательна для указанных форм. Дойчил Войводич считает себя сторонником естественного языкового развития. Отсюда его особый интерес к таким разновидностям языка как разговорный язык или диалекты, которые менее всего подвержены влиянию разного рода установок нормирующего или стандартизирующего характера, сдерживающих процессы естественного языкового развития. Автор выступает в защиту полной языковой толерантности. Тенденция употребления в разговорном сербском языке волюнтаривной синтаксической конструкции вместо морфологически выраженного футурума, все возрастающее употребление футурума с причастием, наряду с футурумом с инфинитивом, в польском языке а также частое употребление конструкции, состоящей из краткого причастия с вспомогательным глаголом *быть* в русском языке, указывают на то, что футуральные формы в славянских языках все еще до конца не сформированы и находятся в процессе своего развития. На основании изложенного автор приходит к выводу, что процессы грамматикализации футуральных форм в славянских языках не закончены. Аналогичное утверждение справедливо и по отношению к неславянским языкам (в частности, по отношению к германским языкам, таким как немецкий и английский языки).

Монография Дойчила Войводича является глубоким, основательным исследованием категории футуральности в славянских языках. Работа теоретически обстоятельно фундирована и базируется на большом фактическом материале. Она является ценным пособием для всех тех, кто занимается проблемами типологии грамматических категорий, а также вопросами синхронного и диахронного анализа категории времени. Богатый языковой материал, представленный в монографии, будет полезен лингвистам, интересующимся социолингвистическими аспектами изучения языка.

Wladimir Klimonow
Humboldt-Universität zu Berlin
klimonow@web.de